

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. Ф. Егоров. О письмах Ю. М. Лотмана</i>	7
ПИСЬМА Ю. М. ЛОТМАНА	
«Дорогому семейству» (№№ 1—30)	15
Сестре (Л. М. Лотман) (№№ 31—93)	39
Довоенным сокурсницам (№№ 94—114)	91
М. К. Азадовскому (№№ 115—116)	107
Б. Ф. Егорову (№№ 117—371)	111
Ф. С. Сонкиной (№№ 372—464)	367
М. В. Колокольниковой (№№ 465—473)	451
Б. А. Успенскому (№№ 474—652)	463
Вяч. Вс. Иванову (№№ 653—683)	645
В. Н. Топорову (№№ 684—703)	671
В. С. Баевскому (№№ 704—725)	693
Л. Л. Фиалковой (№№ 726—732)	711
Указатель имен (<i>Б. Ф. Егоров</i>)	723
Хронологический указатель (<i>Л. Ю. Аронова</i>)	777
Список сокращений	785
Рисунки Ю. М. Лотмана	789

О письмах Ю. М. Лотмана

Люди бывают талантливы по-разному: одни — в очень узкой сфере, другие — одновременно в нескольких областях. Ю. М. Лотман (в дальнейшем сокращенно: Ю. М.) был чрезвычайно широким в спектре своих талантов. Его культурологические и литературоведческие труды достаточно известны, о них можно не распространяться. Менее известна, но тоже знакома относительно большому кругу гуманитариев и всех, интересующихся русской культурой, его преподавательская и лекторская работа (последняя — особенно, благодаря телевизионным циклам его лекций); преподавательская известна, конечно, более узкому контингенту слушателей и зрителей, а очень-очень жаль: Ю. М. великолепно сочетал эрудицию с артистизмом, действовал импровизационностью изложения, часто додумывая идеи на ходу, прямо на лекции; присутствовавшие наблюдали сам творческий процесс ученого.

Совсем уже мало известны его художественные импровизации, артистически поставленные шарады (в виде сцен). Его стихи. Его рассказы о войне. Его оригинальные кулинарные выдумки.

То же можно сказать и о письмах: ведь их знают лишь получавшие и их близкие. А почти каждое письмо Ю. М. — талантливое произведение. И, как правило, — ярко многожанровое. Здесь и глубокие научные рассуждения (иногда — конспекты статей и даже целых диссертаций!), и полемика, и описания быта и настроений, лирические излияния, отчет о кафедральных и издательских делах, о поездках; серьезный фундамент смешивается с юмором, с иронией... Даже в предсмертные месяцы, когда он сознательно прощался с жизнью, писал друзьям возвышенные слова и завещательные просьбы, он мог разрядиться остроумной шуткой, поиронизировать над своими недугами...

Публикация отдельных писем Ю. М. и небольших их комплектов началась уже вскоре после его кончины. Но в таком объеме, как это осуществлено в нашем томе, письма Ю. М. публикуются впервые.

Когда выдающийся человек уходит из жизни, он уносит с собой целые миры знаний, идей, чувств. Значительная часть этих миров невосстановима, она исчезает вместе с их владельцем. Но какие-то частицы сохраняются в памяти и записях окружавших его; поэтому так важны публикации дневников и мемуаров ближних, записей докладов и лекций, осуществленных учениками и коллегами. Юридически, фактически наиболее точны и достоверны тексты самого автора. Из них наиболее значительное — труды, предназначавшиеся для обнародования. Однако иногда не менее значительны черновики и не вошедшее в печатные книги и статьи.

А еще важно и личное, сокровенное, может быть, совершенно не предназначавшееся для печати: письма, дневники, мемуарные записи, рисунки. В них раскрываются глубинные черты личности, иногда тай-

ные, неожиданные. Эти черты могут в совершенно новых ракурсах осветить печатное и публичное. Если применительно к представителям точных и естественных наук еще можно говорить о принципиальном отделении личности исследователя от изучаемого объекта и от описания этого объекта, то о гуманитариях подобное сказать невозможно: всегда личность будет проникать в соответствующий текст, всегда будет освещать объект неповторимо уникальными лучами индивидуального подхода.

Поэтому так важно знать не только печатные или рукописные тексты, подготавливавшиеся для обнародования, но и то, что стоит за ними, — неповторимую личность автора. Особенно если этот автор — не массовое явление, а яркий уникум.

Существуют разные взгляды на сокровенное, интимное в жизни и творчестве выдающихся людей, да и сами они по-разному относились к этой проблеме. Пушкин считал, что далеко не все в наследии гения следует передавать потомкам. Неизвестно, говорили ли на эту тему супруги, но Наталья Николаевна, сохранив, слава Богу, письма Пушкина к себе (но все ли сохранила?), уничтожила свои письма. И сколько таких сознательных ликвидаций мы знаем в истории! Н. Г. Чернышевский чрезвычайно бережно сохранял дневники Н. А. Добролюбова: например, есть там дырочка от шила или иголки, обведенная кружком (чернилами), а рядом соседствует надпись Чернышевского, что эта дырочка — не добролюбовская, а его: он прошивал листы дневника и сделал лишний прокол; но, тем не менее, Чернышевский варварски вырвал и уничтожил несколько листов добролюбовского дневника с интимными записями.

Таким цензурным или косметическим воззрениям противостоит точка зрения философа «общего дела» Н. Ф. Федорова, считавшего, что нужно сохранять для потомков каждый созданный человеком предмет и каждую бумажку с любым текстом. Понимая, что практически подобное невозможно осуществить — люди не обладают столь обширными помещениями, — я однако склоняюсь именно к федоровскому идеалу. Нам не дано знать, что нужно будет потомкам из нашего наследия, — и следует максимально облегчить им работу, обеспечив свободу выбора, максимально сохранить им наши материалы.

Я отвергаю также предостережение, что далеко не все из личной жизни выдающихся людей должно раскрываться публично, что будет проявляться нездоровый интерес низменной публики к сложному и негативному в характере и поступках человека и т. п. Это напоминает мне опасения и запреты советских руководителей: упаси боже, если о наших недостатках узнают за рубежом и проч., и проч. Примитивные и нездоровые интересы не остановить запретами, при запретах подобный интерес лишь будет подогреваться и обрастать фантастическими домыслами, мифами. Считаю, что история должна знать все, что только можно, о людях прошлого. Ничего нельзя скрывать от истории, другое дело, что пока живы люди, о которых наш автор мог выразиться отнюдь не в

розовых тонах, — следует воздержаться от полной публикации соответствующих текстов.

Круг интимных, не предназначавшихся для печати произведений был до 1917 года достаточно велик в русской интеллигентской культуре: очень многие писали дневники и воспоминания, не говоря уже об обилии писем и объемах самих писем (например, некоторые письма В. Г. Белинского объемом в 30—40—50 страниц — целые философско-психологические трактаты). Распространение телефонов значительно сократило объем и количество писем, но еще больше сократили объемы всех интимных текстов ГПУ-шные, НКВД-шные, КГБ-шные акции: стало опасно фиксировать мысли и сведения, они могли повредить автору и его близким при арестах.

Вообще стало опасно переписываться: по обратным адресам могли привлечь к следствию еще целые когорты совершенно ни в чем не повинных людей. Известный ленинградский академический ученый-африканист Д. А. Ольдерогге признавался мне, что один его друг, начиная с 1930-х годов, систематически сжигает все получаемые им письма, даже новогодние поздравительные открытки...

В постсталинское время и писем стало больше, и даже к дневникам и воспоминаниям люди вернулись, но опыт предшествующих лет висел над душами, и далеко не все в дневниках и письмах освещалось.

Ю. М. Лотман, целиком посвятивший себя науке и преподаванию, дневников не вел, мемуаров не писал, лишь незадолго до кончины продиктовал интереснейшие фрагменты из воспоминаний (см. Лотм. сб. 1). А памятью он обладал гениальной: провоевавший на передовой все четыре года страшной Отечественной войны, помнил день за днем — прямо как в мозговом дневнике! — события тех лет, вплоть до названия всех сел и деревень. Писем он тоже не любил, отвечал нерегулярно, чаще всего — глубокой ночью, под утро, когда глаза слипаются, а голова уже отказывается работать в научном направлении. На столе его возвышалась необъятная гора писем и бандеролей, требующих ответа. Ю. М. часто наугад — то из низов, то из середины, то сверху горы — брал что-то присланное и отвечал, отвечал... Приходилось отвечать письменно, так как телефон ему поставили лишь в середине восьмидесятых годов, а с границей и тогда не было автоматической связи и письма преобладали над телефонными разговорами.

Поэтому чем богато рукописное наследие Лотмана, помимо текстов научных книг и статей, — это письмами. Я знаю по крайней мере четыре крупных комплекта писем. Наверное, реально их значительно больше — и задача родных и друзей ученого выявить и сохранить оставшиеся тексты: пока это будет относительно «закрытым» достоянием частных и государственных архивов, а затем, надеюсь, мы доживем до полного собрания сочинений Лотмана, включающего в себя и письма.

Хронологически самые ранние комплекты — это письма к родным, т. е. к родителям и сестрам (около 150; ныне хранятся у

сестры — Л. М. Лотман и у племянницы — Н. Ю. Образцовой), и к О. Н. Гречиной и ее подругам, сокурсницам по Ленинградскому университету (около 20). Первые письма датированы 1940-м годом, когда Ю. М. был призван в армию, и содержат ценные сведения о предвоенной армейской жизни на Украине и в Грузии, о круге чтения и даже о серьезных филологических акциях (на Украине — сбор фольклора, в Грузии — изучение местного языка). Затем следует большой массив писем военных лет, где очень много материала о солдатском быте, о психологических трудностях «оккупантской» жизни в Германии. И всюду в военных письмах — опять же о круге чтения, о штудировании французского и немецкого языков (Ю. М. даже выступил в качестве стихийного переводчика, когда нужно было помочь не знающим немецкого бывшим французским военнопленным добиться у немецкой администрации возможности вернуться на родину). Затем, после демобилизации в 1946 году, эти письма прекращаются (Ю. М. демобилизовался и вернулся учиться в Ленинградский университет) и возобновляются после 1950 года, в связи с переездом Ю. М. в Тарту.

Более подробно освещают тартуский период жизни Ю. М. следующие три комплекта, письма к друзьям: ко мне (1958—1993, 250 писем), к послевоенной сокурснице по ЛГУ Ф. С. Сонкиной (1968—1993; всего 200 писем, из них публикуется около половины), к московскому семиотику и лингвисту Б. А. Успенскому (1964—1993, около 180 писем).

Менее обширны комплекты писем к коллегам по семиотике (В. В. Иванову — около 40 писем; В. Н. Топорову — 20) и к литературоведам (В. С. Баевскому — 22 письма; Л. Л. Фялковой — 7). Затем следуют еще менее крупные собрания писем (см. Содержание).

Мой комплект — самый большой из известных. Он содержит множество тем и сюжетов. Прежде всего — это кафедральные дела, подготовка к выпуску «Трудов по русской и славянской филологии» и «Семиотики», организация и проведение научных конференций. Но главные темы и сюжеты писем — деяния самого Ю. М., его научные и философско-жизненные воззрения, работа над книгами и статьями, отношение к коллегам, зигзаги настроения, состояние здоровья, мужественная борьба с недугами. Все это — незаменимый материал для понимания личности ученого. Некоторые письма Ю. М. представляют собой замечательный комментарий к идеям его научных работ, например, письмо от октября 1966 г. как дополнение к книге о Пушкине.

В письмах к Ф. С. Сонкиной затронуты почти все те же темы, разве что меньше чисто кафедральных сведений. Зато в них больше описания чувств, настроений, различных душевных состояний.

Главные темы писем к Б. А. Успенскому — личные и совместные научные планы и их реализация, семиотические проблемы и конференции, однако много и вненаучных аспектов: заботливое внимание к младшему товарищу, обсуждение медицинских проблем, своих и адресата, и проблем, связанных с подраставшими детьми, опять же — и своими, и адресата, и т. д.

Вообще каждый комплект писем имеет свою специфику, он предлагает читателю не только сводку фактов, но и определенную установку автора, говоря философски — определенную интенцию, направленность именно на данного адресата. Ю. М. как бы настраивается на беседу с ним, предполагая именно его восприятие и возможные ответы, поэтому содержание, тональность, стиль писем к Ф. С. Сонкиной отличаются от соответствующих компонентов писем ко мне, а письма ко мне не похожи на письма к Б. А. Успенскому и т. д. (не касаюсь здесь колебаний и непохожестей внутри одного комплекта — они тоже существенны). И в то же время, при всех вариантах, за письмами стоит целостный инвариант, единый автор, с типологически именно ему одному присущими чертами.

Считаю чрезвычайно важным подробное комментирование писем Ю. М. Ведь многие факты и намеки в них требуют расшифровки, а люди, знающие эти факты и намеки, — немногочисленны и, увы, не вечны. Поэтому важно уже сейчас выяснять обстоятельства и события, вынесенные за скобки, и сообщать о них читателям.

Особая область комментирования — эзопов язык. Несмотря на абсолютную честность Ю. М. и бесстрашную открытость его характеристик, все же опасность перлюстрации висела над нашей перепиской в советские годы, и все, что касается социально-политического фона тех лет, или вообще выносилось за пределы писем, или излагалось намеками. Для исследователей писем Ю. М. эзопов язык — интересная и обширная тема. Как и вообще стиль писем Ю. М. Он ведь не совсем адекватен стилю его научных публикаций: он более живой, раскованный, более индивидуальный (в смысле не только личностно лотмановского, но и, как говорилось, отличающегося при общении с тем или другим адресатом); в нем много художественно-публицистических вкраплений, отсутствующих в научных текстах, больше переходов и оттенков, от логической основы до веселых каламбуров и фантазий.

В заключение — несколько технических объяснений.

Все описки и опечатки автора писем исправляются без оговорок.

Все конъектуры составителя, т<о> е<сть> все добавления пропущенных слов, сокращенных частей слова и т. п., приводятся в угловых скобках: <>. Наиболее важные слова и фразы, зачеркнутые Ю. М., восстанавливаются в квадратных скобках: [].

Примечания помещаются непосредственно после каждого письма, нуждающегося в пояснениях. Список сокращений приводится в конце книги.

Большинство публикуемых писем находится в домашних архивах адресатов, если же письма извлекаются из государственных архивохранилищ, то это специально оговаривается в примечаниях.

Упомянутые автором лица лишь изредка комментируются (главным образом, когда приводятся имена без фамилий и прозвища), а краткие сведения о них даются в Указателе имен. Выделенные в нем полужирным шрифтом фамилии означают, что это адресаты публикуемых

писем и сведения о них находятся в предисловиях к соответствующим разделам.

Если дата письма Ю. М. находится в конце текста или вообще отсутствует, то она приводится в угловых скобках в начале письма в правом верхнем углу; при отсутствии авторской даты или при ее неполноте в примечании объясняется наша датировка. Если место создания письма автором не указывается, но оно может быть определено из содержания, то оно приводится сверху в угловых скобках; Тарту не обозначается, за исключением написаний самого Ю. М.

Если единственными источниками датировки оказываются почтовые штемпели на конвертах и открытках, то числа определяются следующим образом: 1) если есть штемпель места отправления, то предполагается, что текст создан в день отправления письма или за день до того; 2) если есть штемпель места получения, то учитывается средний срок прохождения писем в послевоенное время (например, Тарту—Ленинград и Тарту—Москва около 4 дней); добавляем еще сутки и считаем, что, скажем, если московский штемпель получения — «6.02...», то письмо отправлено из Тарту «около 1 февраля...».

Много народу участвовало в подготовке этого тома к его выходу в свет. Помимо естественной и глубокой благодарности работникам издательства, Гуманитарному фонду (РГНФ), адресатам, предоставившим письма, я хотел бы отметить большую помощь, которую оказали составителю в поисках источников цитат В. Н. Альфонсов, В. С. Баевский, В. Э. Вацуро, В. М. Маркович, А. Г. Мец, А. И. Рубашкин, и в переводах французских фраз — Е. В. Баевская.

*Б. Ф. Егоров,
27 марта 1997 года*

ПИСЬМА Ю. М. ЛОТМАНА

Комментарии Б. Ф. Егорова

